

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

«Одни извозчики и нет трамвая!»

Воронеж двадцатых годов... О поэтической атмосфере, в которой жил город, об одном из его литобъединений «Чернозем» рассказывает мне Нина Николаевна Логофет. А еще она читает стихи. Свои и своих друзей. Те стихи, которые когда-то слушал Маяковский. Именно в «Черноземе» рискнули пригласить к себе Маяковского и познакомиться с творчеством членов объединения.

Владимир Владимирович приехал в Воронеж для выступлений в ноябре 1926 года.

— Все мы были страстными поклонниками Маяковского, — вспоминает Нина Николаевна. — Пригласить поэта к нам в гости поручили мне.

Прихожу в гостиницу «Центральная», в которой остановился Владимир Владимирович. Робко стучу в дверь номера. Услышала: «Войдите». И вошла. У зеркального шкафа в белоснежной сорочке стоял Маяковский, прижимая к щекам компрессы.

«В Америке бреются два раза в сутки, — сказал он. — Кто вы, товарищ?»

«Я... мы... — бессвязно лепетала я, задыхаясь от волнения. — Мы хотим... просим...»

Маяковский провел меня в комнату, пригласил присесть. Наконец-то я успокоилась и рассказала, что я от литобъединения. Он стал обстоятельно расспрашивать о том, что нас волнует, каких поэтов мы почитаем. Поинтересовался, как в книжных магазинах раскупаются его книги. Потом попросил меня прочитать свои стихи. И я стала читать свою «Поэму о трамвае»:

Городов разбежались тыщи:
Начни — потеряешь счет,
А уж такого не сыщешь,
Где в центре города — Петр.

Город, как город,
Говоря проще,
Одно горе:
От края до края
Одни извозчики —
И нет трамвая!..

Когда я закончила чтение, Маяковский открыл чемодан, достал книжечку «Сергею Есенину — Владимир Маяковский» и автоматической ручкой (кстати, виденной мной в первый раз) написал: «Поэту Нине — Вл. Маяковский».

Счастью моему не было границ. Маяковский позвонил и попросил принести чай на двоих. На столе появились вкусные вещи... Но хотя я была и голодна, от волнения не притронулась ни к одному кусочку. Владимир Владимирович дал согласие побывать у нас...

Договорились, что после выступления в театре он нас будет ждать за кулисами.

...Зал был переполнен. Самая разнообразная публика пришла на встречу с поэтом. Не все тогда принимали творчество Маяковского. К таким относился и любимый студентами университетский профессор-математик Самбикин. Он бросил реплику в адрес Владимира Владимировича, тот ее очень остроумно парировал. Профессор встал и покинул зал.

(Мне об этом случае рассказывал также ученик Самбикина, недавно ушедший из жизни доцент математического факультета М. В. Федосеев: «Я тогда зал покинул вслед за своим учителем. И с того вечера стал учить стихи Маяковского, чтобы всем при случае можно было без шпаргалок доказывать, что мой профессор был прав в своей оценке. Так всю жизнь я и удивлял «специалистов по Маяковскому» своим знанием наизусть всего, что было написано поэтом»... — Э. Е.).

...Выступление окончено, — продолжает свой рассказ Нина Николаевна. — Мы с Володиной Кораблиновым ринулись за сцену, но нас задержал администратор: «Маяковский уже уехал в гостиницу». Мы бегом в «Центральную». Портье отвечает: «Нет, Владимир Владимирович еще не приходил». Мы опять в театр. И в фойе столкнулись с Маяковским.

«Ну, что же вы? Я вас

жду...» Мы объяснили, почему так вышло.

Маяковский рассмеялся: «Ну и наивные же вы, ребята! Да разве можно верить администраторам?»

...Время позднее, а надо было ехать на квартиру к Михаилу Юрьевичу Рапопорту на Вигелевскую улицу. Повернулся извозчик. Сиденье рассчитано на двоих, я сидела, как сказал Владимир Владимирович, «на птичьих правах»: на одном колене Маяковского, на другом — Кораблинова.

Приехали. Темень непроглядная. Даже как-то жутковато. Маяковский сам расплатился с извозчиком, и то ли шутя, то ли серьезно сказал: «Не бойтесь — я вооружен».

За столом с Маяковским мы оказались рядом. Уже не помню, о чем и кем был произнесен первый тост, но помню, как я, взяв рюмку, спросила, Владимира Владимировича: «А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?» Он мне в тон ответил: «Нет. Одни извозчики, шпана в окраинах, одни извозчики, и нет трамвая».

Потом читались стихи. Маяковский слушал и что-то рисовал на листе бумаги. Перед уходом он разорвал бумагу на кусочки и бросил в корзину. Хозяева квартиры склеили эти клочки. И у них хранился экзотический пейзаж: пальмы, слоны и крокодилы. После мы долго пытались расшифровать, как через эти ассоциативные рисунки прийти к оценке Маяковским нашего творчества...

...До гостиницы Владимира Владимировича мы провожали поздней ночью. Широко ступая по мостовой, он всю всю мощь своего голоса читал:

Говорят:
— в архив,
испился,
пора! —
Все меньше любится,
все меньше дерзается,
и лоб мой
время
с разбега крушит.
Приходит
страшнейшая из
амортизаций —
амортизация
сердца и души.

Мы тогда впервые услышали недавно написанный им «Разговор с фининспектором о поэзии».

Потом Маяковский много смеялся, шутил и часто повторял строчки из моей поэмы, когда его спрашивали или о впечатлениях о городе, или о поэтах: «Одни извозчики — и нет трамвая!»

Прощаясь, он попросил нас переписать для него некоторые наши стихи. Утром с Володиной Кораблиновым мы передали Маяковскому свои вирши.

И вот однажды в университет на мое имя приходит перевод на огромную по тем временам для меня сумму — 10 рублей. Оказалось, что во втором номере журнала «Новый ЛЕФ» за 1927 год Маяковский напечатал отрывки из моей «Поэмы о трамвае». Мало того, я еще в течение года получала бесплатно все номера журнала. А в седьмом номере появились отрывки из поэмы Кораблинова...

...Нина Николаевна долгое время заведовала кафедрой иностранных языков Липецкого педагогического института. Для печати свои стихи ни разу не предлагала. Единственная публикация — как память о внимании Маяковского к творчеству молодых.

Э. ЕФРЕМОВ.

ЛИПЕЦК.